

УДК 338.24

В.А. МАУ, д.экон.н., PhD, профессор, ректор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, г. Москва, просп. Вернадского, 82
Электронный адрес: information@anx.ru

ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ **(доклад на пленарном заседании VII Пермского** **экономического форума «Россия 1990 – 2000 – 2010.** **Как развиваться дальше?», г. Пермь, 22 апреля 2011 г.)**

Коллеги, прежде всего спасибо за этот форум. Я рад предложению рассмотреть сегодняшние события в историческом контексте. Слушая предыдущие выступления, мне постоянно приходила в голову одна довольно известная цитата, которой не могу не поделиться: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение». Это логика наших дискуссий последних двух десятилетий. Эта мысль принадлежит Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Правда, есть и продолжение, обычно реже цитируемое: «Именно так мы должны преподавать отечественную историю нашей молодежи». Вот с этой жизнеутверждающей для всякого экономического историка позиции я и хочу заглянуть в будущее.

Доклад посвящен анализу важнейших проблем экономической политики современной России в контексте глобального экономического кризиса. Рассматриваются проблемы демографии, конкурентоспособности страны, exit strategy национальной элиты, «ресурсного проклятия» России как факторы, определяющие политическую и экономическую повестку ближайшего десятилетия.

Ключевые слова: экономическая политика; демография; конкурентоспособность; стратегия эмиграции отечественной элиты; коррупция; модернизация

Начало нового десятилетия в значительной мере совпало с появлением новых вызовов, с необходимостью переосмыслить вызовы и проблемы, как в социально-экономической, так и в культурной сферах. С одной стороны, накопились внутренние проблемы, связанные с исчерпанием модели экономической политики, реализовавшейся после кризиса 1998 г. И мы, собственно, последние 10 лет жили в одной экономико-политической парадигме.

С другой стороны, глобальный кризис поставил ряд острых вопросов новой экономической повестки, на которые также предстоит дать ответ.

В своем выступлении я хотел бы в основном затронуть некоторые вопросы, а не дать ответы на них. Хотя ответы есть, но прелесть нынешнего этапа состоит в том, что перед нами стоит много вопросов и на многие из них мы не знаем ответа. Этим, кстати, ситуация сильно отличается от 1990-х гг., когда было невероятно тяжело, но практически все ответы были известны. Макроэкономическая стабилизация – вещь политически сложная, но экономически хорошо известная. Сейчас же перед нами стоят вопросы, на которые необходимо дать ответы.

Сначала я коротко перечислю те вопросы, которые ставит глобальный кризис и без ответа на которые, на мой взгляд, он не будет разрешен, потому что кризис – это не столько падение производства, сколько выправление структурных диспропорций.

Великие кризисы прошлого (а мы хорошо знаем два из них – это кризисы 1930-х и 1970-х гг.) ставили вопрос о новой модели регулирования в глобальном и национальном масштабах. Нынешний кризис в этом плане аналогичен: ответа по-прежнему нет. Они ставили вопросы о новых геоэкономических и геополитических балансах, которые только-только выкристаллизовываются, и мы на них тоже не знаем ответа, но понятно, что это уход и от монополярного, и от традиционного понимания биполярного мира. Эти кризисы создавали новую мировую валютную систему. На этот вопрос мы тоже пока не знаем ответа: какова будет роль резервных валют, каким будет их состав (помимо доллара), какова будет роль региональных резервных валют. Кризисы всегда были большим интеллектуальным вызовом, и, думаю, в ближайшие годы нам предстоит период неустойчивого роста и неустойчивых спадов; этот период будет схож с 1970-ми гг., которые советская пропаганда назвала третьим этапом общего кризиса капитализма. По-видимому, очередной съезд КПСС назвал бы современный период наступлением четвертого этапа общего кризиса капитализма. Очевидно, идет поиск новой регулятивной модели, новой экономической концепции, новой доктрины, и мы пока не знаем, какая она.

Исходя из этого общего контекста я хотел бы перейти к вопросам о новых вызовах и ограничениях российской экономической политики. Сейчас мы столкнулись с рядом сложных вопросов, которые не имеют простых решений, и нам только предстоит в этом десятилетии ответить на них. Я боюсь, что ответ на них займет действительно довольно продолжительный период, потребует как интеллектуальных усилий, так и политической борьбы. Какие это вопросы?

Первый (я всегда с него начинаю) – это вопрос о демографии. Экономическая история не знает феномена экономического роста в условиях убывающего населения. То, что этого не было никогда в истории, не означает, что это невозможно в принципе, но это вопрос. Мы не знаем: то ли мы найдем новую модель экономического роста, которая вообще не связана с населением, то ли мы должны будем жестко заняться политикой миграции, которую, в частности, разрабатывает группа под руководством Ярослава Ивановича Кузьмина. Это один из самых серьезных вызовов, на который принципиального ответа нет.

Второй вызов, который присутствующий здесь Кирилл Рогов определяет как «ножницы конкурентоспособности», является еще более тяжелым для ответа. Мы являемся страной с плохими институтами и дорогим трудом. Обычно в странах с плохими институтами труд дешев, а в странах с дорогим трудом институты хороши, что и создает соответствующую конкурентоспособность в тех или иных нишах. Повторяю: у нас плохие и ухудшающиеся институты и дорогой труд. Экономисты, как ни странно, часто бывают оптимистами, и вся наша дискуссия в последние десять лет состояла в том, как нам улучшить институты до уровня труда. Однако имеет место и проблема деградации труда до уровня тех институтов, которые у нас есть. Спрос растет на некачественное высшее образование, на диплом о высшем образовании, а не на высшее образование как таковое. Это очень серьезный вызов. Плохое высшее образование – очень серьезная проблема, которая пока не имеет явного решения.

Возможен и другой сценарий: превращение в страну с плохими институтами и дешевым трудом – это массовая миграция дешевого труда из стран Азии. Правда, некоторые специалисты утверждают, что потенциал Таджикистана исчерпан и на демографические ресурсы этой страны нам больше нельзя рассчитывать.

Третья острейшая проблема даже более важна, чем демографическая: стратегия эмиграции отечественной элиты (*exit strategy*). Россия превращается в страну, заселенную мигрантами, с элитой, живущей в Лондоне. Еще никогда в российской истории не было так просто и дешево уехать. Я бы сказал, что дешевле изменить стране, чем изменить страну. Тридцать лет назад, если вы хотели жить в благополучном обществе, вы должны были совершенствоваться это общество, сейчас же вы можете взять билет, уехать и иногда приезжать на выходные поностальгировать. Это тоже вызов, который проявляется и в объеме образования детей за границей. Спрос на качественное образование там одновременно еще более снижает спрос на образование здесь, внутри страны. Мы получаем отток капитала. Если вы посмотрите динамику оттока капитала за последний год, то увидите, что это не похоже на отток капитала 1990-х гг., это вывоз капитала маленькими порциями. То есть средний класс хеджирует свои риски и вывозит средства. Это острейшая проблема, о которой мы не можем не говорить.

Следующая проблема – конкурентная ниша России. Наша экономическая политика, основанная на опыте 1998 г., последнее десятилетие базировалась на политике дешевого валютного курса (и я всегда этот подход разделял). Мы компенсировали провалы институтов и слабую конкурентоспособность низким валютным курсом, считая, что тем самым поддерживаем отечественного товаропроизводителя. Кризис показал, что этот механизм больше не работает. Механизм поддержания внутреннего производства при помощи валютного курса работает, когда паритет покупательной способности составляет 20-30% от номинала, но не 60% как сейчас. До недавнего времени мы продолжали проводить политику сдерживания укрепления валютного курса, якобы защищая отечественного товаропроизводителя, однако активные массированные вливания в социальный сектор (т.е. спрос средних и бедных слоев населения)

в условиях кризиса показали, что спрос растет на дешевые импортные товары. Мы не можем более проводить политику заниженного валютного курса и, следовательно, политику высокой инфляции; не можем более стимулировать конкуренцию с импортными товарами, сдерживать приток импорта. Это, в свою очередь, означает необходимость существенного пересмотра политики стимулирования экономики - от политики преимущественного государственного спроса к политике стимулирования предложения. А это означает пересмотр другой важнейшей макроэкономической парадигмы последних лет – политики умеренно высокой инфляции. Последние 10 лет считалось, что 10%-ный уровень - разумная цена за сдерживание укрепления курса, и мы можем себе это позволить. Если политика сдерживания курса не стимулирует роста экономики, то пора обсудить переход от политики низкого курса к политике низкой инфляции, соответственно низких процентных ставок и стимулирования предложения, а не спроса.

Естественно, дежурной проблемой, о которой нельзя не сказать, является проблема коррупции. Ранее мне уже доводилось говорить, что мы попали в ловушку негативного отбора, когда коррупция дает не дополнительные доходы, а задает, говоря марксистским языком, общественно необходимый уровень издержек. То есть ты не можешь не участвовать в коррупции, чтобы оставаться на рынке, а вовсе не чтобы получать дополнительные блага. Это очень важный момент.

Наконец, проблема ресурсного проклятия, проблема доходов стабилизационного фонда. Еще несколько лет назад нам казалось, что мы, в общем, нашли механизм борьбы с голландской болезнью через формирование стабилизационного фонда. Собственно, это была не только наша идея. После опыта Норвегии, после кризиса 1970-х гг. и падения цен в 1980-е гг. практически все нефтебогатые страны пошли по этому пути. Повторяю, еще два года назад казалось, что стабилизационный фонд помог смягчить последствия кризиса. Но сейчас, по прошествии еще двух лет, мы видим, что, хотя политика вывода падающих с неба денег позволила накопить серьезные резервы и не допустить катастрофического развития событий, это создало проблему конфликта интересов, «moral hazard»: это оказалось не только способом преодоления последствий кризиса, но и стимулом для отказа от модернизации. Если вы помните, в начале кризиса все ожидали, что модернизационная повестка дня будет запущена благодаря стабилизационному фонду, однако в итоге мы вернулись к логике «business as usual». Это серьезнейший вызов, на который нет ответа, потому что отказ от политики стабилизационного фонда спровоцирует популизм. Это еще более опасная с макроэкономической точки зрения политика. Вернуться к политике стабилизационного фонда – значит сказать еще раз, как говорил Александр I, «жить как при бабушке» и, в общем, особенно не суетиться, поскольку деньги будут. Выхода из этой ловушки, на мой взгляд, тоже пока нет, а проблема бюджетного кризиса у нас реальна. Макроэкономически мы находимся в ситуации начала 1980-х, когда фундаментальные макроэкономические показатели благоприятны, но с одной проблемой: уровень цен на нефть в сопоставимых ценах тот же, и бюджет при этом остается дефицитным. Понятно, что это делает экономику крайне уязвимой.

Есть еще одна особенность, которая мне напоминает начало 1980-х. Несмотря на тяжелейшие вызовы, перед которыми стоит страна, экономисты обсуждают проблемы совершенствования хозяйственного механизма: сколько показателей добавить и сколько сократить, увеличить или не увеличить самостоятельность предприятий (но поскольку научно-технический прогресс важен, то надо ввести два показателя, отражающих стимулирование научно-технического прогресса). Некоторая самоуспокоенность при беспрецедентных вызовах, с которыми мы сталкиваемся.

Боюсь, если я начну обсуждать позитивную повестку дня (существует ли выход из сложившегося положения), то меня испепелит наш ведущий. Поэтому ставлю здесь точку.

Из дискуссии после доклада В.А. Май

М.Я. Блинкин (научный руководитель НИИ транспорта и дорожного хозяйства, г. Москва): Владимир Александрович, я сначала продолжу вот эту мысль Бенкендорфа. Ему отвечал Петр Чаадаев...

В.А. Май: Но вы помните, что Бенкендорф ответил Чаадаеву?

М.Я. Блинкин: Да, конечно, но я процитирую первую половину. Чаадаев сказал, что прошлое России тщетно, настоящее бесполезно, а будущего у нее нет вовсе. Опровергните, пожалуйста.

В.А. Май: Ну, вообще, это опроверг еще Бенкендорф, который ответил Чаадаеву: «Кто не разделяет эти мои взгляды – сумасшедший».

А.А. Аузан (модератор, заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики МГУ): Владимир Александрович, а, может, все-таки по существу? Вы видите какие-то решения или нам надо отправляться в сумасшедший дом?

В.А. Май: Вы знаете, опыт свидетельствует, что честно назвать проблемы очень важно, чтобы их видеть и преодолевать. Есть ли выходы? Да, есть. В экономических терминах я бы их назвал переходом от экономики спроса к экономике предложения. Реально перед нами модель, где государство создает стимулы, перераспределяет существенные ресурсы через бюджет, задавая приоритеты. То есть реализует традиционную индустриальную модель, с пониманием, правда, что в отличие от периода индустриализации приоритеты непонятны. Государство не просто уходит. Государство несет определенную социальную ответственность в тех же социальных секторах, но государство оставляет значительные ресурсы для свободной конкуренции на рынке производителей.

Вы знаете, есть два подхода к либерализму и дирижизму: есть философский либерализм и дирижизм – это вопрос в чистом виде веры. Одни считают, что государство важнее, другие считают, что семья и человек важнее, чем государство, и это не разговор для экономистов. Однако есть дирижистская и либеральная экономическая политики, которые, в общем, отражают вызовы, связанные с характером производительных сил, если мы будем в марксистской парадигме. В начале XX века обсуждать дирижизм было, наверное, правильно, потому что характер технологий, крупное машинное производство,

возможность определить, какие отрасли станут приоритетными через 20 лет, позволяли концентрировать деньги или в государственных банках, как это было в Германии, или в госбюджете, как это было в России и Советском Союзе, и, в целом, с большими или меньшими издержками реализовывать задачу «догнать и перегнать». Если мы сейчас живем в обществе, в котором примерно четверть абитуриентов, поступающих в ВУЗ, будет к моменту его окончания работать по специальности, которая не существует на момент его поступления в ВУЗ, бессмысленно обсуждать бюджетные приоритеты государства.

Приоритетами государства являются в этой ситуации, несомненно, инвестиции в человеческий капитал, и прежде всего в образование, здравоохранение и пенсионную систему. Но, опять же, с пониманием, что это не фискальная проблема, т.е. проблема не сколько дать денег и, даже, где взять эти деньги. Это проблема того, что сегодня структура потребителя, как говорится, «не в коня корм», потому что структура потребителей должна быть другой. Мы должны понимать, что, находясь в парадигме действующей пенсионной системы, мы никогда не решим пенсионную проблему, потому что мир становится все более частным и все более индивидуальным. Современная пенсионная система городского населения – это индивидуальный выбор: вкладываю ли я в частный пенсионный фонд, в государственный, в семью, которая меня не бросит, или в недвижимость, которую я буду сдавать. Или во все это вместе – это индивидуальный выбор. Мы живем в обществе, в котором доминирует не промышленный рабочий, которому надо в определенном возрасте уйти на пенсию, а все больше становится профессоров, которых никогда не выгонишь на пенсию. Это другое общество, оно требует другой пенсионной системы.